

Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в.¹

(Черты из торговой жизни половецких степей).

Тридцать три года тому назад покойный ориенталист-турколог П. Мелиоранский поместил в первом томе «Византийского Временника»¹ статью под заглавием «Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII вв.». В этой статье П. Мелиоранский привел в переводе и пересказе содержание нескольких глав, относящихся к истории Кониийского султаната и его сношений с византийцами. Автор упомянутого Сельджук-намэ известен под прозвищем Ибн-ал-Биби. Настоящее же его имя Насир-ад-дин-Яхья-ибн-Мухаммед. Для своей статьи П. Мелиоранский воспользовался турецким переводом Ибн-ал-Биби, который в 1891 г. был издан известным ориенталистом Houtsma. В конце своей статьи П. Мелиоранский говорит, что у Ибн-ал-Биби есть сведения о походе турок во времена султана Ала-ад-дина Кейкобада на Судак, кипчацкую (половецкую) степь и русских. Однако сам он этого вопроса не разработал. Статья П. Мелиоранского напечатана в 1894 г. В 1902 г. появился и персидский текст сочинения Ибн-ал-Биби под названием «История Сельджукской династии», изданной тем же Houtsma в IV томе «Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides». Однако это был не оригинал, а так называемый мухтасар, т.-е. сокращенная переработка его, произведенная неизвестным лицом. Издавая этот сокра-

---

¹ Доклад, прочитанный в подкомиссии для изучения связей древней Руси с Византией и Востоком, 4 июня 1927 г.

ценный текст, Houtsma еще не знал, что в Константинополе хранится оригинал произведения Ибн-ал-Биби в единственной рукописи (Ауа Sofya № 2985).¹ Автор этого сочинения, носящий, как выше сказано, прозвище Ибн-ал-Биби, является младшим современником султана Ала-ад-дин Кейкобада (1219—1236), служил при его преемниках, занимая видный пост и умер в 670 г. х. (= 1272 г. н. э.). Как очень близкий ко времени событий человек, Ибн-ал-Биби, несмотря на большую склонность к риторике, заслуживает особого внимания. В мухтасаре (сокращенной переработке), изданном Houtsma, рассказу о походе турок-сельджуков на Судак, половцев и русских отведено 12 печатных страниц. В виду риторических длиннот указанного текста я счел более целесообразным дать его не в переводе, а в пересказе, который бы, сохраняя рассказ в его существенных для истории деталях, в то же время был свободен от ненужных пышных фраз.

Рассказ о причине, побудившей султана (Ала-ад-дин-Кейкобада) к завоеванию кипчацкой степи и к захвату Сугдака рукой Хусам-ад-дин Чупана.

Когда султан Ала-ад-дин Кейкобад из столицы в Кесарию прибыл, к суду явился некий купец, который много путешествовал по торговым делам как по суше, так и по морю. Прослышал он как-то о хороших условиях торговли в странах кипчаков (половцев) и русских и решил отправиться туда с товарами. Когда он достиг переправы Хазарской, на него напали и все товары отняли. Не успел он окончить своей речи, как другой купец начал свое печальное повествование и рассказал, что он из Халеба отправился по направлению к Кесарии. Когда он проходил вилайет Лейфуна (Льва II) на него также напали и все имущество отняли. Рассказал свою печальную повесть и третий купец. Он нагрузил в Анталии свои товары на судно и предпринял морское путешествие. На него напали франки и не только отняли товары, но и самого его забрали в плен. Султан, услышав просьбу о помощи, разгневался, велел вознаградить купцов, приказал снарядить войско, поставил во главе его амира Хусам-ад-дин Чупана, который был главным амиром и полководцем государства и послал в сторону г. Сугдака.

---

¹ The Encyclopaedia of Islam, II, p. 369, под словом Ibn-Bibi.

Рассказ о проезде войска султана через Хазарское море под командой Хусам-ад-дин Чупана.

Султан пробыл еще некоторое время в Кейкобади - Кесарии, где и выжидал известий о победах. Когда войско, идя по направлению к Хазарии, прошло море, жители Сугда (Сугдака) увидели, что плывет большое войско. Они немедленно отправили к Хусам-ад-дину посла, которому поручили сказать следующее. Мы верные слуги и исполнители приказа султана. Неведомо нам, по какой причине послано большое войско. Если в уплате баджа и переправ (пошлины за переправы) обнаружился некоторый недосмотр, то пусть султан штраф наложит; если же султан поход на русских предпринял, то мы согласны дать ему в помощь нашу молодежь, которая будет хорошо сражаться. Одновременно власти Сугдака отправили гонца в степи к кипчацкому хану. Когда флот с войсками турок-сельджуков приблизился к берегу, тотчас же хан кипчацкий отправил посла с уведомлением к князю русскому. В результате из русских и кипчаков составили войско в 10.000 всадников и поджидали, какой ответ принесет посол сугдиан (жителей Сугдака), отправленный к Хусам-ад-дин Чупану.

Когда вышеупомянутый посол явился к главе амиров, то в речи, обращенной к нему, выразил надежду, что войско турок-сельджуков повернет и возвратится назад, обещав с своей стороны, что жители Сугдака постараются исправить все недосмотры. В конце речи он предложил 50.000 динаров в качестве «сбора на подковку лошадей» войска. Глава амиров Хусам-ад-дин речью этой возмутился и заявил, что он прибыл не для того, чтобы, благодаря золоту, стать недостойным, добавив, что с непокорными он поступит сурово, а подчинившихся — наградит. Таким образом посол ни с чем возвратился домой (в Сугдак). Войско же султана благополучно пристало к берегу, куда и перенесло свое снаряжение. Амир Хусам-ад-дин пир устроил и до полуночи предавался с амирами веселью. Под утро явился с передового поста всадник и заявил, что показались отряды вражеского войска. Хусам-ад-дин приказал бить военный сбор и начать сражение раньше, чем врагам придет помощь со стороны русских и Саксина. Утром произошло сражение, которое не дало однако победы ни той, ни другой стороне. В рядах кипчацкого войска сражались и русские. Прерванное ночью сражение возобновилось с новой силой на

следующий день. На этот раз победа окончательно склонилась на сторону сельджукского войска. Кипчаки были на голову разбиты и бежали.

Рассказ о подаче слезной просьбы князем русских и попытке его заключить мир с главой амиров Хусам-ад-дин Чупаном, да будет милосердк нему бог.

Когда русский князь узнал о гибели кипчацкого войска, то пришел к заключению, что он не в силах сражаться с победоносным сельджукским войском. Поэтому он решил отправить к Хусам-ад-дин Чупану посла мудрого и изворотливого, которому и вручил грамоту следующего содержания: Слышал я, что Хусам-ад-дин пришел с войском. Не знаю, по какой причине явилось оно и кто враги. Если войско кипчацкое от глупости впало в заблуждение, то я остаюсь верным рабом султана Ала-ад-дин (Кейкобада), каковым вы меня всегда и считайте. Просьба моя в том, чтобы Хусам-ад-дин сообщил об этой моей покорности султану. С послом русский князь отправил к Хусам-ад-дин Чупану большие подарки, состоящие из лошадей и русского льна и 20.000 динаров. Когда русский посол к ставке Хусам-ад-дина подошел, то пришел в безмольное состояние от окружающего великолепия и смог только сказать — о боже! Узнав о прибытии посла, Хусам-ад-дин приказал его с почетом встретить и отвести ему подобающую его положению палатку. На следующий день русскому послу был устроен торжественный прием. Когда его к Хусам-ад-дину ввели то он лицо к земле приложил и послание вместе с подарками вручил. Глава амиров подарки принял и тотчас же войску роздал. Посла три дня продержали без ответа. На четвертый Хусам-ад-дин собрал амиров и сказал им следующее: Русский посол лъстивость проявил и счел обязательным выплату баджа и хараджа. Следует и нам честь нашей власти поддержать и довести об этом до сведения султана. Амиры выслушали мнение Хусам-ад-дина и одобрили его. Он приказал привести русского посла, выразил ему в вежливых выражениях удовлетворение по поводу высказанной русским князем дружбы, одарил его подарками, великолепным халатом и шитой золотом султанской шапкой, вручил ему грамоту, составленную в дружеских выражениях и отправил домой. После этого он отправил большое количество добычи в Синоп и Каustomанию.

Рассказ о завоевании Сугдака Хусам-ад-дин-амир
Чупаном в дни царствования султана Ала-ад-дин
Кейкобада.

Когда Сугдиане услышали о разгроме кипчацкого войска, то пали духом. Тем не менее принялись за приготовление к защите города. Спустя неделю Хусам-ад-дин расположился со своим войском у ворот города. Рано утром началось сражение, с ожесточением бились с обеих сторон. На другой день сражение возобновилось с новой силой. Осажденным городом были введены в бой пехота и конница; сражались нефтью, черхами, стрелами и камнями. Хусам-ад-дин, согласно военному обычаю мусульман, завлек мнимым поражением войска противника вдаль от города, а потом решительным натиском погнав их к городу и разбил. Когда старики города увидели, что от юношей ничего, кроме имени не осталось, то сказали: если тысяча подобных юношей, хорошо обученных военному делу, твердости в сражении не проявила, то кроме мольбы и покорности другого лекарства у нас нет. Затем они отправили несколько политически опытных человек к главе амиров в качестве послов. Когда последние явились к нему, то землю поцеловали и сказали: хотя преступления и вины наши были очень велики, все же мы надеемся на милость главы амиров. Все, что он прикажет, исполним: уплатим харадж и бадж; путешественников, проходящих через нашу страну, удовлетворим, имущество купцов, погибших в нашей стране, вернем; все, что у нас есть, все в распоряжение его предоставим. Когда глава амиров эту мольбу услышал, то сказал: причина вашего несчастья — вы сами, теперь же я одного из своих приближенных отправлю к султану и попрошу прощения для вас. Когда в Сугдаке о результате посольства узнали, то очень обрадовались и всю ночь собирали имущество — скот, лошадей, материальные ценности для сдачи победителю. На утро Хусам-ад-дин приказал войску принять парадный вид, сам же, окруженный вождями, сел впереди ставки. Из города к нему потянулись побежденные и назначенную добычу сдали. Потом он приказал снарядить остроносое судно и отправил на нем пятую часть отборной добычи с посланием к султану. Когда посланцы прибыли ко двору султана, то радостную весть о завоевании г. Сугдака, о гибели кипчацкого войска и о мире с русским князем ему сообщили. Султан на радостях приказал освободить из темницы заключенных, а того купца,

который перед его судом просил о помощи, отправил с вестниками и письмом к главе амиров. В письме он высказал благодарность, как главе амиров, так и войску. Были посланы также халаты Хусам-ад-дин-амир Чупану и вождям. Кроме того султан разрешил простить жителей Сугдака в их преступлениях и винах, однако с условием, чтобы вместо икон и колоколов, там были михраб, минбар и шарият, установленный пророком, да будет над ним благословение и мир! Отнятое у купцов они должны возвратить. Когда эти важные вести дошли до главы амиров, то он велел опубликовать султанский приказ и отдал распоряжение войску готовиться к возвращению. Войска приняли парадный вид. Был приготовлен богато отделанный минбар, глава амиров возложил на голову священный коран, положенный на золотое блюдо, в руку взял султанский штандарт. Так с торжественностью вошли в город. На высоком месте города муэzzин произнес призыв к молитве; разбили христианский колокол и меньше чем в две недели выстроили прекрасную соборную мечеть. Установили в городе должности муэzzина, хатиба и кади. Из числа наиболее именитых граждан взяли в залог несколько юношей, и одного из вождей с отрядом воинов в городе оставили. Когда суда для отплытия были готовы, отправились к границам своей страны.

Выше приведенный рассказ представляется несомненно интересным.¹ Он привлекает к себе внимание, как с точки зрения ранней русской истории, так и с точки зрения тех торговых сношений, в которые была втянута юго-восточная Европа непосредственно перед татарским нашествием. Когда читаешь этот рассказ, то первый вопрос, который встает — вопрос о точной дате самого похода, ибо год в тексте не указан. Судя по рассказу поход Хусам-ад-дин Чупана был совершен в годы царствования сельджукского султана Ала-ад-дин Кейкобада. По таблицам Лен-Пуля, отредактированным В. В. Бартольдом, Ала-ад-дин Кейкобад вступил на престол в 1219 г. и царствовал до 1236 г. Следовательно, поход этот не мог быть раньше 1219 г. В турецком тексте Сельджук-намэ Ибн-ал-Биби есть краткое

---

¹ В работе В. Д. Смирнова, Крымское ханство, 10, есть следующие любопытные строки из одного турецкого источника: «он (Ала-ад-дин) перевез свое войско из Синопа через Черное море и завоевал в странах Дешти-Кышчак крепость Сугдак». К сожалению этому сообщению В. Д. Смирнов посвятил очень краткий комментарий.

сообщение, что после ухода войска Хусам-ад-дин Чупана «неверные были спокойны до татарской смуты».¹ Под «татарской смутой», автор, несомненно подразумевает поход татар. Но походов татар на юго-восток Европы в начале XIII в. было два: один — в 1222—1223 гг.; другой — в 1237 г. Перед каким из этих походов произошел набег турок-сельджуков на Крым? Еще в 1885 г. Houtsma, касаясь этого набега, сказал: «Das Datum dieses Ereignisses ist nicht chronologisch bestimmt, doch ist es warscheinlich um einige Jahre später anzusetzen, als die Ankunft der Tataren in diese Gegenden, vielleicht im Jahre 1227 г. (624)».² Houtsma не приводит ни одного аргумента в пользу своего, хотя и предположительного, мнения о 1227 г. Этому мнению последовал и академик В. Г. Васильевский в своих «Исторических сведениях о Суроже». Он привлек кроме того опубликованный еще в 1854 г. академиком Куником рассказ³ из похвального слова св. Евгению Трапезунтскому о столкновении султана Ала-ад-дин Кейкобада с трапезунтским государем Андроником I Гидом (1222—1235), которое по словам упомянутой хроники произошло на второй год царствования Андроника, т.-е. в 1223 г. Столкновение было, как известно, успешным для Трапезунта. По мнению В. Г. Васильевского поход Ала-ад-дина на Судак и надо рассматривать, «как эпизод большой войны иконийского султана с царем трапезунтским».⁴ Так как, согласно исследованию Куника, борьба эта была закончена в том же году, что и начата, т.-е. в 1223, то нельзя, рассматривая поход турок на Судак, как один из эпизодов этой борьбы, отнести его к 1227 г. Более того, нельзя и вообще рассматривать этот поход, как случившийся после 1223 г., ибо по словам того же рассказа (из похвального слова св. Евгению Трапезунтскому) Ала-ад-дин Кейкобад после заключения мира с Андроником I Гидом до конца дней своих был верен условиям клятвенного договора,⁵ т.-е. не вел никаких враждебных действий против Андроника I. Как же Ала-ад-дин мог предпринять поход на Крым, если, согласно воззрению упомянутой хроники, трапезунтский царь осуществлял верховную власть над крымскими городами? Таким

---

¹ П. Мелиоранский, Византийский Временник, т. I, 640.

² Actes de XVI congrès international des orientalistes, Houtsma, Über eine türkische Chronik zur Geschichte der Selguqen Klein-Asiens, p. 381.

³ Акад. Куник, Учен. Зап. Ак. Наук по I и III Отд. II, вып. 5, 738—746.

⁴ Акад. В. Г. Васильевский, Труды, III, Истор. сведения о Суроже, стр. CLXXVI.

⁵ Акад. Куник, *ibid.*, 742.

образом мне представляется, что и у В. Г. Васильевского нет веских доводов в пользу того, что поход турок на Крым был спустя несколько лет после первого нашествия татар на половцев, Судак и русских. Мне кажется, что будет правильнее, если мы отнесем поход Ала-ад-дина ко времени до первого татарского нашествия (1222—1223 г.) к годам 1221 или 1222. В пользу настоящего мнения можно привести следующие соображения.

Во-первых, известно, что турки до взятия Синопа, т.-е. до 1214 г., не могли иметь флота на Черном море. За несколько лет они не могли завести своих судов, да еще в таком количестве, что могли перевезти большое войско. Сделать это они могли только с помощью греческого, в данном случае Трапезунтского флота. Получить же они его могли только до 1223 г., т.-е. до времени, когда после большого военного успеха Андроник I разорвал старый договор¹ и прекратил платить туркам дань. Как-то трудно поверить, чтобы Андроник после выгодного для него договора 1223 г. мог представить туркам суда для похода на Крым.

Во-вторых, если бы поход Ала-ад-дина на Крым был после 1222—1223 г. (т.-е. после первого нашествия татар на половцев, Судак и русских), то трудно поверить, чтобы на рассказе Ибн-ал-Биби как-нибудь не отразилось свежее впечатление от грозного нашествия татар.

В-третьих, если взять самое повествование Ибн-ал-Биби о царствовании Ала-ад-дин Кейкобада в целом, то незадолго до рассказа о походе на Судак есть под 618 г. х. (= 1221 г. н. э.) рассказ о постройке вала в Конии. Затем сейчас же идет рассказ о прибытии посла к султану от халифа с просьбой снарядить 2000 всадников, ибо на востоке войска татар разбили Хорезмшаха Мухаммеда и собираются итти на западные страны (стр. 107). Несомненно, что посольство это прибыло к султану не позже лета 618 г. х., ибо уже в реджебе 618 г. х. (= 21 августа—19 сентября 1221 г.) Хамадан был взят и разграблен² татарами. После рассказа о посольстве халифа к султану, Ибн-ал-Биби дает несколько событий, которые вполне уместаются в рамки одного-двух лет и переходит к описанию похода на Судак. Таким образом, все вышеизложенное приводит меня к полному убежде-

---

¹ Одним из пунктов договора была доставка туркам вспомогательного войска. П. Мелиоранский, *ibid.*, 635—636.

² Ибн-ал-Асир, XII, 249.

нию, что поход этот был почти накануне первого нашествия татар, т.-е. незадолго до битвы при Калке. Следует несколько остановиться и на политическом положении малоазийских турок в начале XIII в. Ибн-ал-Биби подробно рассказывает о событиях в жизни Кониийского султаната. Незадолго до вступления на престол Ала-ад-дин Кейкобада, при его отце, Гиас-ад-дине и брате Изз-ад-дине Кониийский султанат делает большие политические успехи. Весьма ослабленная Византия в самом начале XIII в. не может быть для него опасным соседом. Ни Никейское царство, ни тем более Трапезунтская империя для Кониийских султанов — не страшные соперники. Ибн-ал-Биби подробно описывает, как в 1214 г. султан Изз-ад-дин¹ овладел Синопом, городом чрезвычайно важным, как в экономическом, так и в стратегическом отношении. Трапезунтского императора, бывшего владельца Синопа, он принудил к вассальным отношениям, заставив его платить большую дань. Ежегодно в казну султана из Трапезунта должны поступать: «12.000 золотых, 500 лошадей, 2000 коров, 10.000 баранов и 500 выюков различных подарков и драгоценностей».² Кроме того Трапезунт обязался в случае надобности посылать вспомогательное войско. Приведена и дата взятия Синопа — 1214 г. Приобретение Синопа открывало новые перспективы перед Кониийским султанатом. По прямой линии, на противоположном берегу лежал Крым с его торговыми городами. Несомненно, что и самый поход турок-сельджуков на крымское побережье возможен был только после овладения Синопом, ибо до этого похода турки, повидимому, не обладали флотом. Думается, что и флот, который перевез турок на крымское побережье, был не турецкий, а греческий, ибо в несколько лет турки не смогли бы завести, как выше было сказано, своих собственных судов. Не подлежит сомнению, что он был большой, если через Черное море перевезены были не только люди, но и лошади, без которых нельзя было сражаться с половецкой и русской конницей.

Итак, турки-сельджуки к 20-м годам XIII в. были уже настолько сильны, что могли предпринять такое несомненно большое и опасное предприятие, как поход на Крым и половцев. Установив с точностью до 2-х лет дату этого похода, мы должны тотчас же поставить следующий вопрос: при ком из половецких ханов и русских

¹ П. Мелиоранский, *ibid.*, стр. 635—636.

² *Ibid.*, стр. 636.

князей произошло это военное предприятие. Не подлежит сомнению, что это те же половецкие ханы, которые через несколько лет столкнулись с татарами в знаменитой битве при Калке в 1223 г. Новгородская летопись (по Синодальному списку)¹ дает нам под 1224 г. имена Котяна и Данилы Кобяковица, а Ипатьевская² под тем же годам имя Юрия Кончаковича. Последнее имя мы имеем в китайском источнике, в официальной истории Юань-Ши, которая для русской истории имеет несомненно большое значение, и еще недавно, в 1914 г. А. Иванов опубликовал из нее на русском языке ряд извлечений, относящихся к походу монголов на Россию. Там определенно говорится, что при столкновении с татарами был убит кипчацкий (половецкий) князь, Юй-ли-ги (Юрий). Между прочим тут же встречается и имя русского князя Ми-чи-сы-лао (Мстислав). В других восточных источниках (арабских и персидских) мы не находим для этого времени имен ни русских князей, ни половецких ханов, за исключением имени некоего половецкого хана Баджмана, да и то относящегося ко времени Батыя. Благодаря русскому источнику, мы можем сказать, что главным ханом был Юрий Кончакович, ибо Ипатьевская летопись определенно говорит, что «Половцемъ же ставшимъ, Юрьий Кончаковичъ бѣ болийше всихъ Половецъ».⁴ Быть может, в нашем случае, т.-е. во время похода Хусам-ад-дин Чупана, он и есть тот половецкий хан, который обратился к русскому князю, и с которым вместе они собрали войско в 10.000 всадников. При ком же из русских князей это было? Ответить на этот вопрос едва ли удастся. Можно только сказать словами Ипатьевской летописи:⁵ «тогда бо бѣяхуть Мьстиславъ Романовичъ въ Клевѣ, а Мьстиславъ⁶ въ Козельскѣ и въ Черниговѣ, а Мьстиславъ Мьстиславовичъ въ Галичѣ: то бо бѣаху старѣйшины в Руской земли». Однако не исключена возможность, что это был рязанский князь, ибо едва ли лен, о котором говорится в рассказе Ибн-ал-Биби, подвозился из киево-черниговского района. Более точно, быть может, скажут специалисты — русские историки. Перейдем теперь к городу Судану,

¹ Новгородская летопись (по Синодальному списку), 216.

² Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., 495.

³ А. Иванов и Н. Веселовский, Походы монголов на Россию, 7.

⁴ Ипатьевская летопись, 495.

⁵ То же, 495.

⁶ В новгородской пятой летописи есть интересное указание: «А Котянъ, князь Половѣчкый, бѣ тесть Мьстиславу, князю Черниговскому». Полн. собр. русск. летоп. изд. Археогр. Ком., т. IV, ч. 2, в. 1, стр. 197.

куда направился турецкий флот. Кому принадлежал этот город, какую роль он играл в торговых оборотах восточной Европы в 20-х годах XIII в., кто его населял — вот вопросы, которые невольно встают при чтении этого рассказа. Здесь опять нам помогут источники, группирующиеся около времени татарского нашествия. У Ибн-ал-Асира в его рассказе о походе Джебе и Субудая в 1222/23 г. говорится: «Прибыли они к городу Судаку; это город кипчаков (половцев), из которого они получают свои товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, бургасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся на земле их».¹ Слова Ибн-ал-Асира сказаны по поводу взятия Судака в 1222/3 г., а вот что пишет проехавший через Судак в 1253 г. В. Рубруквис,² т.-е. 30 лет спустя: «Солдая (Судак), который обращен к Синоплю наискось, и туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из Руси и северных стран, и желающие переправиться в Турцию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазею (*gambasio*), шелковые ткани и душистые коренья». Итак, по Ибн-ал-Асиру Судак в то время — город кипчацкий. Понимать это, конечно, можно только в том смысле, что он платил дань половцам и, быть может, имел половецкого чиновника, который следил за правильным поступлением ежегодных с него доходов. В этом отношении мы имеем ряд свидетельств, что не только Судак, но и ряд других городов Крыма рассматривались, как города половецкие, в вышеуказанном смысле, конечно. Так, Маркварт в своей работе о половцах приводит известное сообщенное Идриси о том, что Джалита, т.-е. Ялта принадлежала к стране команов (половцев).³ Не подлежит сомнению, что половцы, владея крымским побережьем, умели извлекать из его богатых приморских городов большие выгоды, не столько, как купцы, сколько как собиратели даней с торговых оборотов, которые совершались по дорогам и городам, находящимся в их власти. В правильности этого соображения убеждают нас

---

¹ В. Тизенгаузен, Сборник материалов по Золот. Орде, 26; Ибн-ал-Асир, XII, 258.

² И. Карпини и В. Рубрук, в переводе А. И. Малеина, стр. 66.

³ Marquart, Über das Volkstum der Komänen, 140.

следующие слова В. Рубруквиса: «на этой равнине, до прихода татар обычно жили команы и заставляли выше упомянутые города и замки платить им дань».¹ Но вернемся к Ибн-ал-Биби. В его рассказе есть ряд указаний, дающих нам право сказать, что Судак был хорошо укрепленным приморским городом. Это лишнее подтверждение тому, что генуэзская крепость в Судаке, которая так тщательно исследована Е. Ч. Скржинской,² имела своего предшественника со стенами и башнями. Кто же населял Судак? Считается, что город основан был аланами (асаами) в 212 г. н. э.,³ которые и были его первыми и главными поселенцами, что это так — находит косвенное подтверждение и у нашего автора. Город Судак у Ибн-ал-Биби называется то Сугдак, то Сугд. Известно, что аланы — иранцы, и что Сугд — имя страны (в долине Заравшана), населенной когда то иранцами - сугдийцами. Быть может, и правы те исследователи, которые в названии Сугдака видят отражение воспоминания о далеком Сугде, откуда они, быть может, и пришли. Что аланы жили в Судаке и во время похода Алад-дин Кейкобада видно, хотя бы из того, что еще несколько десятилетий спустя египетский историк Ибн-Абд-аз-Захыр, описывая маршрут посольства Бейбарса к Берке-хану, говорит: «потом они взобрались на гору называемую Судак; (здесь) встретил их правитель местечка Крым, которое населяют люди разных наций как-то: Кипчаки, Русские и «Аланы»⁴

Если аланы жили в старом Крыму в начале 60-х годов XIII в., то жили они и в своем родном городе Судаке, который отстоял от Крыма в нескольких десятках верст. Кроме алан в Судаке жили и армяне. Брун считает даже, что армяне преобладающий элемент в Судаке в это время.⁵ Жили там, наконец, русские, половцы и, по всей вероятности, хазары, которые за два с половиною века, после разгрома Святославом Итиля и хазарского царства, не растворились еще окончательно в окружающей их среде. Легче всего они могли сохраниться в городах. Что это и было так, видно, хотя бы из того факта, что Карпини в столице Хорезма Ургенче видел еще много

¹ И. Карпини и В. Рубрук, в переводе А. И. Малеина, стр. 68.

² В труде «Генуэзские колонии в Крыму», который, к сожалению, до сих пор не напечатан.

³ Ф. Брун, Черноморье, стр. 122.

⁴ Б. Тизенгаузен, *ibid.* стр. 63.

⁵ Ф. Брун, *ibid.*, стр. 138.

хазар.¹ Несомненно были там и византийцы. Игак, Судак в начале XIII в. есть город с крепостью и гаванью, населенный аланами, армянами, русскими, половцами, византийцами, платящий дань половцам, ведущий крупную торговлю. Куда направлена была эта торговля, по каким дорогам она проходила, какие торговые центры захватывала, в каких условиях совершалась, — таковы те вопросы, которые в первую очередь нас интересуют. Рассказ Ибн-ал-Биби начинается, как мы видели, с речи мусульманского купца, выходца из Сельджукского государства, жалующегося на то, что его в стране кипчаков ограбили. Уж это одно дает нам указание, что турки-сельджуки торговали через Крым с половцами и русскими, однако мы имеем прямое свидетельство Рубруквиса, проехавшего через Крым в 1253 г., который определенно подчеркивает, что до татар главная торговля через Крым и земли половцев шла между русскими и турецкими купцами. «Туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию».² Слова эти будут особенно оценены, если мы вспомним политическое положение Черноморья в начале XIII в. Из того же Ибн-ал-Биби ясно, что наиболее крупной силой на Черноморье являются турки-сельджуки, ибо трапезунтский владетель после потери Синопа с 1214 г. платит дань Сельджукскому султану, сначала Изз-ад-дину, а потом Ала-ад-дину. Ослабление трапезунтского владения было большим ударом для крупных торговых операций, которые проходили через Трапезунт. В своей статье «Трапезунтская империя»,³ акад. Ф. И. Успенский говорит: «чем дальше идем к XIII в., тем находим сильнее связи Трапезунта с Крымом». Отсюда, как из транзитного пункта, шел в большом количестве русский хлеб, ибо своего в Трапезунте не хватало. Таким образом вся торговля, которая шла из России через Крым и дальше на Тебриз, Хамадан, известная нам по Ибн-Хаукалю для X в., теперь переходит в руки турок-сельджуков. Насколько важна была для начала XIII в. торговля через Трапезунт, видно из Ибн-ал-Асира, который под 602 г. х. (1205 г. н. э.) рассказывает следующее:⁴ «Гнас-ад-дин, Хосроу-шах, владетель города

---

¹ Карпини и В. Рубрук, *ibid.*, стр. 24.

² *Ibid.*, стр. 66.

³ *Анналы*, IV, стр. 28.

⁴ Ибн-ал-Асир, XII, 160.

Ар-Рума собрался в поход против города Трапезунта, владыка которого заперся в крепости, ибо вышел из его повиновения и стеснил его. Прекратилась по этой причине дорога из стран Рума (Малой Азии), Руси и кипчаков и других, как сухопутная, так и морская. Не приходил (после этого) в страну Гиас-ад-дина никто. Благодаря этому выпал на долю купцов большой вред, так как торговали они с ними, входили в города их и направлялись к ним купцы из Сирии, Ирана, Мосула, Джебизы и других мест, и собралось их много в Сивасе, городе обильно населенном. Так как не открывалась упомянутая дорога, то купцы испытывали большой убыток, и счастлив был тот, кто мог вернуть затраченный капитал». Вышеприведенное сообщение Ибн-ал-Асира имеет огромную историческую ценность, ибо оно не только сообщает о торговых связях Малой Азии в конце XII и начале XIII вв. с половецкими степями и русскими княжествами, но и о больших размерах их. Более того, при сопоставлении с другими, уже приведенными известиями, оно дает все основания думать, что восстановленная торговля пошла теперь, если и не целиком, то главным образом через Синоп, который с 1214 г. был в руках турок-сельджуков.

Но вернемся к Судаку. Он одна из главных станций на путях из Малой Азии в половецкие степи, Русь, Булгар и дальше. Что этот путь знали все на тогдашнем востоке лучше всего, говорит тот же Ибн-ал-Асир по поводу нашествия Джебе и Субудая в 1222/23 г.: «Пресекался было путь (сообщения) с нею (Дешт-Кипчак) с тех пор, как вторглись татары в нее и не получилось от них (кипчаков) ничего по части буртасских мехов, белок, бобров и (всего) другого, что привозилось из этой страны. Когда же они (татары) покинули ее и вернулись в свою землю, то путь восстановился и товары опять стали привозиться, как было (прежде)».¹ Вышеприведенный отрывок русским историкам известен со времени Куника, и если я его еще раз привожу, то для того, чтобы подчеркнуть, что половецкие степи знали не только грабительские набеги на окрестные культурные страны и города, но, что гораздо важнее,—правильные торговые сношения, которые даже не всегда нарушались частыми военными действиями. И настолько сильны связи с Малой Азией, что, по словам того же Ибн-ал-Асира, после битвы при Калке (1223 г.) «собрались многие из знатнейших купцов и богачей русских, унося с собой то, что у них было ценного,

¹ В. Тизенгаузен, *ibid.*, 28, Ибн-ал-Асир, XII, 254.

и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские».¹ А несколько выше тот же автор, говоря о взятии Судака татарами Джебе и Субудая, указывает, что некоторые из жителей его «отправились в море и уехали в страну румскую, которая находится в руках мусульман из рода Килидж-арслана»,² т.-е. сельджукских султанов. В данном же случае таковым был знакомый уже по нашему рассказу Ала-ад-дин Кейкобад. Вышеприведенные факты говорят о значительной связи, которая была между двумя берегами Черного моря — турецким и крымским — половецким. Итак, дороги из Крыма через половецкие степи шли в разные стороны: на север — в русские княжества, на северо-восток — вглубь половецких степей и через них в Булгар и, наконец, вокруг северного берега Каспийского моря в Хорезм и дальше на восток. Это, что касается сухопутных дорог, ибо был и водный путь по Дону, известный так хорошо по описанию арабских географов IX и X вв. Остановимся пока на первых дорогах. Здесь было очень оживленно, ходили купцы караванами, образуя особые товарищества, которые чувствовали себя среди «дикого поля» не всегда скверно. Как выше было сказано не всегда боялись купцы и военных действий. В этом отношении чрезвычайно показательное следующее место Ипатьевской летописи. Под 1184 г.³ после набега «оканьного, и безбожного, и треклятого Кончака» собрались русские князья в ответный поход на Половецкую степь. «Бдущимъ же имъ и устрѣтоста гости, идущь противу себѣ ис Половецъ, и повѣдоша имъ, яко Половци стоять на Хоролѣ». Эти несколько строк являются драгоценным свидетельством русской летописи. Судя по ним, мы можем с определенностью сказать, что купеческий караван, несмотря на возможное столкновение между двумя войсками — половецким и русским, покойно прошел от одной враждебной стороны к другой. Этой явление общее для торговли того времени. Неприкосновенность торгового каравана есть наиболее целесообразная форма международных отношений того времени. Да иначе быть не могло, ибо при наличии частых военных столкновений, торговый караван всегда мог натолкнуться на военные действия. Случаи нападения и ограбления караванов не так часты, как принято думать, хотя рассказ Ибн-ал-Биби и начинается с жалоб купцов на грабежи.

¹ В. Тизенгаузен, *ibid.*, 27, Ибн-ал-Асир, XII, 253—254.

² *Ibid.*, 26. Ибн-ал-Асир, XII, 253.

³ Ипатьевская летопись, 429.

Половецкие степи живут в начале XIII в. интенсивной торговой жизнью, при чем торгово-культурные связи имеют огромный размах. Сами половцы, по всей вероятности, не вели торговых оборотов, предпочитая, как мы выше указывали, собирать дань.¹ В этом отношении инициатива была главным образом в руках алан, мусульман и русских. Об аланах есть статья в V томе «Византийского Временника»² проф. Ю. Кулаковского, под названием «Христианство у алан». В ней есть следующее, несомненно заслуживающее внимания, место. «Так аланы... выделили из своей среды в XIII в. довольно значительный элемент торгового, т.-е. тем самым городского населения, который проживал в Крыму и степях и, сближаясь с русскими и греками, с которыми связывало их единство исповедания веры, сохранял однако свою национальную особенность».³ Наблюдение Ю. Кулаковского совершенно правильно. Образ купца алана очень знакомый образ в XIII в. Не говоря о Крыме и Кавказе, где их больше всего, мы встречаем алан-купцов в разных местах восточного мира: в Хорезме и Египте. Для этого стоит только обратиться к рассказу П. Карпини об Орнасе (Ургенче),⁴ где он среди жителей этого крупнейшего из восточных городов встретил алан, русских и хозар. Несомненно, что три эти народности жили в Ургенче в качестве купцов. Что же касается Египта, то по словам Ибн-аз-Захыра, египетский султан Бейбарс отправил в 1261/62 г. к золотоордынскому хану Берке письмо с одним из аланских купцов.⁵ Таких примеров можно бы привести множество, но и сказанного достаточно, чтобы подчеркнуть правильность мысли Ю. Кулаковского. Не подлежит сомнению, что аланские купцы представляли собою крупную денежную силу в торговых оборотах на юго-востоке Европы. Ходили с караванами и мусульманские купцы. Из Малой Азии, из Трапезунта и Синопа приходили они не только на крымское побережье, но и дальше в половецкие степи, в русские княжества и в Булгар. Однако главную торговую силу представляли купцы из Хорезма и Кавказа.

---

¹ Указанное обстоятельство несколько не противоречит тому, что половцы торговали продукцией степи, меняя ее на товары городской промышленности. Они только не брали на себя посреднических торговых функций.

² Византийский Временник, V, 1—18.

³ Ibid., 16.

⁴ П. Карпини и Рубрук, в переводе А. И. Малеина, 24.

⁵ В. Тизенгаузен, Сборн. мат. по Зол. Орде, 55.

В Ипатьевской летописи есть любопытный рассказ под 1184 г. «Пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончак, со множествомъ Половецъ, на Русь, похупся яко плѣнити хотя грады Русскыѣ и пожещи огньмъ: бяше бо обрѣлъ мужа такового бесурменина, иже стреляше живымъ огньмъ; бяху же у них луци тузи самострелнии, одва 50 мужь можашеть напрящи».¹ В «Слове о полку Игореве» есть два характерных места. «О! далече зайде соколъ, птиць бя к морю: а Игорева плъку не крѣсити. За ним кликну Карна и Жля, поскочи по русской земли смагу мычючи в пламянѣ розѣ».² В другом месте сказано: «Ты бо можещи посуху живыми шерешеры стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы».³ В своей статье «Турецкие элементы в языке Слова о плъку Игоревѣ» П. Мелиоранский⁴ считает, что слово «шерешир» есть персидское слово «тір-і-чарх», что значит стрела или снаряд черха. Черхами назывались громадные луки-самострелы, о которых говорит как Ипатьевская летопись под 1184 г., так и восточные писатели.⁵ «Пламенный рог» есть, по словам П. Мелиоранского, русский синоним слова «шерешир». Под «смагой» он склонен подразумевать нефть. Вышеприведенные известия чрезвычайно ценны. С одной стороны они говорят, что половцы недурно владели военной техникой своего времени, они научились стрелять «живым огнем», т.-е. нефтью, у них были метательные машины. С другой стороны летописец с точностью указывает, что в качестве инструкторов военного дела половцы имели мусульман. Что нефть привозилась из Баку, не подлежит сомнению. Возможно, что мусульманские инструктора были с Кавказа, куда шли старые дороги, так подробно описанные арабскими географами X в. Однако, более вероятно, что инструктора пришли из Средней Азии. Не надо забывать, что в то самое время, когда происходило описываемое Ибн-ал-Биби нападение на Сугдак, половцев и русских, войска Чингиз-хана почти закончили завоевание всей Средней Азии. Стоит только обратиться к Рашид-ад-дину, богатейшему источнику сведений о XIII в., чтобы

¹ Ипатьевская летопись, 428—429.

² «Слово о плъку Игоревѣ», изд. Дубенского, 98.

³ Ibid., 150.

⁴ Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», ИОРЯС, VII, 296—301 и ЗВО., XIV, стр. XXII.

⁵ П. Мелиоранский, Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». ИОРЯС, Ак. Наук, VII, 299. В этом же смысле слова «черх» упоминается и в рассказе Ибн-ал-Биби при взятии Судака.

убедиться, что военная техника у них была на уровне жителей культурных государств. У него можно встретить интересное описание военных операций, направленных на взятие городов; приведем одно из них, могущее быть типичным. «Жителей Бухары они (монголы) прогнали на осаду крепости. С обеих сторон устроили машины, луки привели в действие, пустили камни и стрелы, из сосудов кидали нефть и целые дни всем тем сражались».¹ Любопытен рассказ и Джувейни о взятии монголами Самарканда, который мы приводим в переводе П. Мелиоранского. «Тысяча человек, выдающихся бойцов и богатырей укрепились в соборной мечети и вступили в бой. Так как они пустили в ход нефть и тиричерхи, то и люди Чингиз-хана так же прибегли к помощи сосудов с нефтью и соборная мечеть и все кто в ней находились, были сожжены огнем этого мира и омыты водой вечной жизни».² Итак степняки монголы, а отчасти и половцы, в военном деле шли в уровень с народами городской культуры. Факт этот может найти себе объяснение только в огромном торговом и культурном общении между степью и городским миром. Акад. В. В. Бартольд в ряде своих исследований с исчерпывающей убедительностью выявил, какую огромную культуртрегерскую роль сыграли в степях мусульманские купцы, военные инструктора и ремесленники. Чтобы уяснить себе жизнь половецких степей нельзя ограничиться только той стороной этой жизни, которая была направлена к Крыму и русским княжествам: нужно помнить, что другая — была обращена на восток. Половецкие степи (так называемые Дешт-и-Кипчак), оглябая с севера Каспийское и Аральское моря, шли через нынешние Уральск, Оренбург, Актюбинск до Акмолинска и дальше.³ Ведь не надо забывать, что половцы-кипчаки пришли с Иртыша. Соприкасаясь с одной стороны с русскими княжествами, они с другой — соседнили на юго-востоке в начале XIII в. с самым крупным мусульманским государством того времени, с Хорезмом, глава которого Хорезмшах Мухаммед (1200—1220) владел всем Мавераннахром и большей частью Ирана. В указанный период, т.-е. как раз в изучаемые нами годы, Хорезм и его столица Ургенч жили интенсивной торговой жизнью, как с Монголией и Китаем, куда дороги

¹ И. Н. Березин, Сборник летописей, Тр. Вост. Отд. XV, История монголов Рашид-ад-дина, перс. текст, 84, русск. пер. 55.

² П. Мелиоранский, там же, 299; Juwayni, Gibb series XVI. 95.

³ См. I. Maquart, Über das Volkstum der Komänen и, особенно, отзыв об этой работе В. В. Бартольда, в VII книге «Русского исторического журнала» стр. 138—156.

шли через Отрар, Талас и Беласагун, так и с русскими княжествами и Булгаром через половецкие степи, где роль транзитного пункта играл Саксин. Каков размах этой торговли, лучше всего скажет знаменитый караван, описанный так подробно у В. В. Бартольда в его капитальном труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Караван в 1218 г. шел от Чингиз-хана к Хорезмшаху в Ургенч и в Отраре был разграблен. В этом караване было 500 верблюдов и 450 человек. Весь состав каравана был мусульманский. Они везли меха, ткань таргу, китайский шелк, золото, серебро.¹ Нельзя пройти мимо характерной черты: караван идет от Чингиз-хана с определенными от него поручениями и полномочиями и все же он состоит из мусульман. Мусульманские купцы на востоке—крупная, торговая и денежная сила. В противоположность западно-европейскому, средневековому городскому хозяйству, мусульманский мир не знает замкнутого города, хозяйство последнего всегда придерживается системы открытых дверей. Самые разнообразные виды промышленности, самые различные типы хозяйства (скотоводство степей, поля и сады орошенных речных долин, ремесла городов) приводятся в определенное общение, вводятся в товарообмен, где полным хозяином становится властный торговый капитал. Вот почему мусульманские купцы на востоке — крупная торговая и денежная сила. Представляя собою сплоченную организацию, они объединяются в отдельные товарищества, являющиеся для того времени мощной, товарной и денежной, а в силу этого «политической силой». По словам академика В. В. Бартольда, «ассигновки, которые выдавались ими на отдаленные города, охотнее принимались, и деньги по ним легче было получить, чем по ассигновкам, которые выдавала государственная власть».² Но вернемся к Хорезму. Уже тот факт, что Карпини, как выше сказано, встретил в 1246 г. русских и аланских купцов, говорит, что в Ургенче сходились дороги из Китая и Монголии с одной стороны, Крыма, русских княжеств и Булгара—с другой.

Почти все восточные историки и географы, говоря о половецкой степи, отмечают город, который в XII и начале XIII в. играл большую роль в торговых оборотах на путях из Восточной Европы в Среднюю Азию. Город этот Саксин. Однако он вполне разделяет судьбу современного ему русского города—Тмутаракани, ибо до сих пор никто из

---

¹ В. В. Бартольд, Туркестан, II, 428.

² В. В. Бартольд, Место прикасп. обл. в ист. мусульм. мира, стр. 54.

ученых не может *точно* установить его местоположение. Правда, Вестберг считает, что Саксин соответствовал старому Итилю, возникнув на его месте. Однако с полной уверенностью утверждать этого нельзя. Единственное более или менее точное о нем сведение находится у Абу-Хамид-ибн-абд-ар-Рахим-ал-Гарнати (ум. 560 г. х. = 1164 г. н. э.).¹ По его словам, Саксин — большой торговый город, лежит на Итиле (Волге), и его население состоит из сорока родов гузов. А по словам Ахмед-ат-Туси² (около 1173—1193 г.), Саксин часто страдает от нападения кипчаков. В других источниках мы можем найти только сведения, указывающие на направление, где город мог находиться. Так, упоминаемый нами часто Ибн-ал-Асир, рассказывая о неудаче, которая постигла отряд татар в 1223 г. на границе области Булгар, говорит, что татары повернули в Среднюю Азию и прошли через Саксин. Арабский писатель Аз-Захеби (ум. 748 = 1348/49 г.) также упоминает о Саксине в рассказе о принятии ислама золото-ордынским ханом Берке. «В сороковых годах (он) Берке из Саксина отправляется в Бухару для посещения шейха Сейф-ад-дин-ал-Бахерзи».³ В том и другом известии дано только направление города. Есть упоминание о Саксине и в Лаврентьевской летописи:⁴ «того же лѣта (6737 = 1229) Саксини и Половци възбѣгоша изъ низу къ Болгаромъ передь Татары; и сторожеве Болгарьскый прибѣгоша бьени отъ татаръ близъ рѣкы, ейже имя Яикъ». Итак, местоположение Саксина точно не определено. Однако, несомненно, что в XII и начале XIII в., он, если и не занимал топографически место г. Итиля, что, впрочем, вполне возможно, то в торговом отношении стремился играть его роль, хотя этого достигнуть ему в полной мере не удалось. Одно безусловно: Саксин играл роль транзитного пункта в торговле, которая из Крыма, Руси и Булгар шла через половецкие степи в Хорезм, Среднюю Азию и Китай. В этой торговле большую роль играл и г. Булгар, о котором мы имеем такие богатые источники для X в. К сожалению для 2-ой половины XII и начала XIII в. у нас о нем мало сведений, но и то, что есть, дает картину достаточно выразительную. Является убедительным мнение академика

¹ Marquart, о. с., р. 56 Текст Абу-Хамид ал-Андалуси теперь издан.

² Ibid., 79.

³ В. Тизенгаузен, *ibid.*, 205.

⁴ Полное собрание русских летописей, I, 192. Здесь под именем «Саксини» упоминаются или жители г. Саксина, или жители области Саксин. Не исключена возможность второго, ибо из целого ряда восточных известий мы знаем, что под Саксином понимали не только город, но и область.

В. В. Бартольда, который, рассматривая рассказ Ибн-Хаукаля о походе Русов в 358=968/9, г. на хазар и Булгар, признал, что сведение Ибн-Хаукаля о разгроме г. Булгар неверно.¹ Город этот не переставал существовать и играть все время роль огромного рынка, где скупались и продавались большие запасы мехов. Для конца XII в. о Булгаре есть следующее место Ипатьевской летописи. Собрался Всеволод Гюргович, князь Суждальский, в 1182 г. в поход на г. Булгарь. Оставив часть отряда на берегу, «сами же поидоша на конехъ въ землю Болгарскую к великому городу Сербренныхъ Болгарь. Болгаре же, видѣвше множество Рускихъ полковъ, не могоша стати, затворишася въ городѣ; князи же молодѣи уохотишася ѣхати къ воротамъ биться».² Итак, по летописи, это большой, окруженный стенами город. В другой летописи³ под годом 6737=1229 мы читаем: «того же лѣта убиша болгаре нѣкоего христіанина за православную вѣру в Великомъ городе ихъ; бысть же сей иног языкъ, не рускаго, но христіанъ сын; имѣние же бѣ много ему, и гостьбу дѣяше по землямъ, прииде же по Волзѣ въ лодіи во градъ Великіи Болгарскій». Кончается этот рассказ следующим местом: «Богъ сотвори отмщеніе вскорѣ надъ безбожными, загорѣ бо ся градъ ихъ Великій и згорѣ его болшая половина». Оба эти отрывка очень интересны. Из первого мы видим, что Булгар посещался не только мусульманскими и русскими купцами, но и другими. В данном случае богатый купец, по имени Авраамій, который был в Булгаре убит, по всей вероятности был из алан. Из второго отрывка мы узнаем, что в начале XIII в., незадолго до нашествия Батыя, Булгар был деревянным городом, раз при пожаре город мог на половину сразу сгореть. У персидского автора Джувейни, писавшего в XIII в., мы о Булгаре имеем следующие, касающиеся его завоевания татарами в 1237 г., строки: «Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли г. Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью».⁴ Только принимая во внимание силу и богатство булгарского государства, которое, пови-

¹ Академик В. В. Бартольд, Место прикаспийской области в истории мусульманского мира, 44. В. В. Бартольд считает более правильной дату русской летописи, т.-е. 965 г.

² Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., 422—423.

³ Полное собрание русских летописей, VII, 135—136.

⁴ Juwaini, Gibb series XVI, 224 и у В. Тизенгаузена в неизданных материалах по золотой Орде. Персидские тексты. Рукопись АМ АН СССР, III, 295, инв. 1917 г., пачка 1.

димому, было независимо от половцев, можно объяснить ту неудачу, которую, согласно Ибн-ал-Асиру,¹ татары в 1223 г. потерпели у его границ. Подробно останавливаться на болгарской торговле не будем, ибо она общеизвестна. Теперь следует остановиться на водном пути из Черного и Азовского морей в Каспийское, а также на пути по Волге. Путь этот тот же, что и в X в. Однако он находится в полной зависимости от половцев. В период больших столкновений русских с половцами он, по всей вероятности, прерывался. Насколько он все-таки имел значение, видно из следующих слов академика В. В. Бартольда: «В XII в. мусульмане на некоторое время лишились Дербента и даже некоторых областей к югу от него. В этих войнах принимали участие и русские; около 1175 г. говорится о поражении русского флота близ Баку».² Если русские могли с флотом выйти для военных операций в Каспийское море, то несомненно, что у них были суда и для торговых целей, которые ходили как по Черному и Азовскому морям, так по Дону и, особенно, по средней и нижней Волге.

Вернемся опять к рассказу Ибн-ал-Биби о походе турок-сельджуков на Сугдак, половцев и русских. В нем есть еще несколько деталей, на которых следует остановиться. Русский князь послал вместе с просьбой о мире 20.000 динаров, много лошадей и русского льна (по всей вероятности льняных тканей). Торговля последними известна давно: о ней говорили еще географы X в. Надо думать, что лен шел преимущественно через Рязанское княжество. Следует несколько остановиться и на термине «бадж». Этим словом обозначали пошлину или таможенные сборы с провозимых товаров. В тексте Ибн-ал-Биби мы имеем трижды упоминание этого термина. В первом случае о «бадже» должен сказать посол от г. Судака к Хусам-ад-дин-Чупану; из этого места видно, что власти г. Судака взимали определенные пошлины за провозку товаров. Во втором случае о «бадже» говорится при заключении мирного договора с послом русского князя и, наконец, в третьем случае «бадж» упоминается, когда власти г. Судака сдавали город и просили у Хусам-ад-дина мира. Из последних мест видно, что «бадж» наряду с «хараджем» должен был поступать в казну победителя — султана, хотя фактически, как это мы увидим ниже, ни Судаку, ни тем более русскому князю не приходилось его выплачивать.

---

¹ В. Тизенгаузен, Сборн. мат. по Золотой Орде 27—28.; Ибн-ал-Асир XII 254.

² В. Бартольд, Кавказ, Туркестан, Волга, 7.

Следует остановиться несколько и на построении в Судаке мечети. В своей статье, «Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г.»¹ покойный ориенталист-турколог, В. Д. Смирнов пишет: «Но главную достопримечательность Судака составляет то здание, ныне обращенное в армяно-католическую церковь, которое находится на самом почти восточном обрыве крепостной стены». Латинская надпись над алтарем гласит: «In Christi nomine amen. 1423 die 4 Januarii (hoc) opus fecit fieri Domine R. Catalanus. Christus custodiat»... В 1475 г., это здание было обращено турками в мечеть, а потом снова было сделано христианскою церковью в 1783 г. русскими. Но ученый путешественник (1832—1834) Дюбуа де Монперё высказывает мнение, что это здание первоначально было построено для мусульманской мечети, которая была воздвигнута татарами в начале XIV в.». Сам В. Д. Смирнов этого мнения не разделял. Однако в наши дни среди специалистов — архитекторов преобладает мнение, что здание это не может быть построено ни генуэзцами, ни татарами и что по своему стилю оно ближе все же подходит к постройкам сельджукского типа. Сопоставляя последнее соображение с рассказом Ибн-ал-Биби о построении² на высоком месте Судака мечети, мы получаем, таким образом, аргумент в пользу этого мнения. Окончательно же этот вопрос может быть решен лишь после тщательного изучения сохранившегося в Судаке памятника.

В заключение следует остановиться на судьбе похода Хусам-аддин-Чупана на Крым. Не подлежит сомнению, что он не имел большого политического значения. Если бы он оказал какое-нибудь влияние на ход политической жизни Крыма, то можно было бы ждать, что Ибн-ал-Асир, оставивший нам рассказ о походе татар на половцев и Крым в 1222/23 г., так или иначе коснулся бы его, однако он этого не сделал, как будто его не было совсем.

Вышеприведенный рассказ Ибн-ал-Биби являет собой, быть может, последний крупный эпизод из жизни юго-восточной Европы при политической власти половцев. Прошло еще несколько лет и политическая обстановка в корне изменилась. После похода Батые в 1237 г. прочно и надолго установилась власть татар. Место половецкой кочевой державы заняла теперь «Золотая Орда». Буквально через несколько

¹ ЗВО, I, 277.

² Судя по рассказу Ибн-ал-Биби мечеть была не заново построена, а перестроена из христианского храма.

лет после этого был построен Сарай на месте нынешнего Селитренного городка (не смешивать с Сараем Берке-хана на месте Царева). Татары не изменили, однако, характера торговой жизни прежних половецких степей. По словам Джувейни (персидский автор XIII в.) «торговцы с разных сторон привозили ему (Батью) различные товары; все что бы оно ни было, он брал (у них) и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышающую (настоящую) стоимость ее. Султанам Рума, Сирии и других стран жаловал льготные грамоты и ярлыки».¹ Итак, на старых путях торговля продолжается, более того, в XIV в. при Беркехане она достигает расцвета.

А. Якубовский.

---

¹ Juwayni, Gibb series XVI, 222 и у В. Тизенгаузена в неизданных материалах по Золотой Орде. Персидские тексты. Рукопись АМ АН СССР, III, 225, инв. 1917 г., пачка 1.